

на Амуре небезызвестного Е.П.Хабарова. В 1655 г. войско Степанова, насчитывавшее 558 человек, выдержало в Кумарском остроге трехнедельную осаду 10-тысячной маньчжурокитайской армии. Среди тех, кто остался жив после многочисленных “навалых” приступов противника, было 22 казака из Сургута. А еще через три года плывшая по Амuru рать Степанова попала в маньчжурскую засаду и была разгромлена.

В эти же годы другая группа сургутских казаков принимала участие в 8-летнем даурском походе енисейского воеводы А.Ф.Пашкова, заново возводя основанные еще П.Бекетовым Нерчинский, Иргенский и Телембитский остроги и деля все тяготы, опасности и голод вместе с семьей находившегося в отряде знаменитого протопопа Аввакума. Некоторые из них позднее вернулись в Сургут, другие же “остались в Даурской земле своею охотою”, пополнив гарнизоны забайкальских острогов.

Перечисленными выше военными походами и экспедициями далеко не исчерпывается участие сургутских служилых людей в освоении бескрайних просторов Сибири. Но и приведенных примеров достаточно для того, чтобы утверждать: роль их в этом процессе была весьма заметной.

А.В.Поletaев  
Екатеринбург

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ НА УРАЛ  
Я.Т. ХИТРОВО В 1672–1674 ГГ.  
(О судьбе некоторых ее участников)

Экспедиция думного дворянина Я.Т.Хитрово по поискам серебряной руды на Урале (самая крупная поисковая экспедиция XVII в.) до сих пор обделена исследовательским вниманием. В связи с этим небезынтересными представляются любые новые материалы, относящиеся к ее истории. Данные тезисы – маленькая иллюстрация к судьбе некоторых участников экспедиции – солдат выборного полка А.Шепелева. Об одном из них мы узнаем из “Книги записной ссыльным людям”, составленной в Сибирском приказе на основе соответствующих дел о ссылке в Сибирь за 1673–1680 гг. (РГАДА, ф.214, оп.5, д.230, л.153–155).

Весной 1676 г. в памяти, посланной из Стрелецкого приказа (далее Стр. п-з) в Сибирский (далее Сиб. п-з), запрашивается информация относительно солдата “выборного Агеева полку Шепелева” – Ивана Анофриева сына Белоуса. Последний был приведен в Стр.п-з с сопроводительным письмом от своего пол-

ковника за то, что в прошлом он “за винную продажу” был сослан в Сибирь, “а ныне... объявился на Москве”. В своих показаниях, данных в Стр. п-зе, И.А.Белоус не отрицал, что “за побег... и за винную продажу” он был приговорен к ссылке в Сибирь (скрыть этот факт из своей биографии у него, видимо, не было возможности). Но утверждал также, что после перевода его из ведомства Стр. п-за в Сиб. п-з, через канцелярию которого осуществлялся механизм ссылки, оттуда он был послан с экспедицией Хитрово “на Уральские горы”, где и находился “года с два”. Свое появление в Москве он объяснял тем, что вернулся назад “по указу великого государя и по грамоте” вместе с отрядом Хитрово, когда поиски серебряной руды были прекращены.

Необходимость подобного запроса о И.А.Белоусе в Стр. п-зе мотивировали пожаром 1674 г., в результате которого значительная часть бумаг сгорела и дубликат памяти в Сиб. п-з о ссылке солдата не был найден. Сиб. п-зу предписывалось в случае наличия в его документации подлинника данной памяти сослать И.А.Белоуса в Сибирь “на пашню” “по-прежнему”. Сам Ивашко препровождался для этого на тюремный двор Сиб. п-за.

В Сиб. п-зе памяти о ссылке И.А.Белоуса также не обнаружилось, но в отношении нового “тюремного сидельца” подъячими делается выписка о том, что в 1672 г., в соответствии с памятью Стр. п-за, в Сибирь “на государеву службу в полк думного дворянина Якова Тимофеевича Хитрово” отправлялись солдаты полка А.Шепелева – Ганка Коростель, Офонка Белоус, Митка Иевлев, Федка Прокофьев, Омелка Котырин.

Данная выписка попала в “Книгу записную ссыльным” лишь в связи с делом И.Белоуса и явно свидетельствует не о ссылке, а об административном переводе московских солдат на службу в Сибирь. Несмотря на то, что практика административного перевода зачастую расценивалась как самими переводимыми (и порой не без основания), так и военно-приказным руководством (пытавшимся в отдельных случаях таким способом удалить из центральных гарнизонов лиц по каким-то причинам неудобных) как своеобразная “опала”; ссылкой, т.е. юридически оформленной мерой наказания за определенные преступления, подобный перевод все же не являлся.

Представляется маловероятным, что в документах спутаны два разных лица (у делопроизводителей обеих канцелярий не возникло сомнений, что Афанасий и Иван – один человек), как и то, что в Сиб. п-зе не могли найти памяти о ссылке И.Белоуса по причине “нерадения” (выписки по делу говорят, что подъячие провели добросовестную работу). По-видимому, первоначально приговоренный к ссылке в Сибирь И.Белоус был отправлен с

отрядом Хитрово на поиски серебра в силу поспешности, с которой Стр. п-з должен был осуществить задачу сбора “ратных людей” для экспедиции. Это и заставило последний использовать некоторых лиц из “служилых по прибору”, приговоренных к ссылке, в качестве отправляемых в Сибирь на “государеву службу”. Уже вырванные системой приказного судопроизводства из московского служилого общества, они представились Стр. п-зу наиболее удобным людским резервом для решения этой экстренной задачи.

Как временную служебную посылку пытался представить перед руководством Стр. п-за свой поход “в Сибирь на Уральские горы” и И.Белоус. Формулировка служебной посылки солдат А.Шепелева попадает и в документы об экспедиции, отправленные из Сиб. п-за. Так, в своей отписке в Москву (СПбФИРИ, ф.187, оп.1, N 437, черновик) тюменский воевода К.А.Загряжский передает содержание полученной им 9 января 1674 г. государевой грамоты (возможно, нескольких грамот), в которой упоминается о том, что в 1672 г. “посланы были в Сибирь к думному дворянину к Якову Тимофеевичу Хитрово в полк московского выборного Агеева полку Шепелева” вышеупомянутые солдаты “да за многое воровство сосланы стрелцы Мишка Леонтьев, Микитка Плутко”. Надо отметить, что текст данной отписки уже привлекался к исследованию А.А.Преображенским, который впервые предположил, что шепелевские солдаты наряду с сосланными “за многое воровство” стрельцами также находились на правах ссыльных (см.: *Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С.333*). Текст полученной в Тюмени 9 января 1674 г. грамоты восстанавливается по выпискам из “Книги записной ссыльным людям”, составленным в связи с делом И.Белоуса. Не удовлетворенные сведениями о его служебной посылке с экспедицией Я.Т.Хитрово, не дающими определенного ответа о правомочности отправки И.Белоуса в Сибирь “на вечное житье”, подьячие Сиб. п-за поднимают приказную документацию относительно участвовавших в экспедиции солдат полка А.Шепелева и выясняют, что по государевой грамоте, посланной в Сибирь Я.Т.Хитрово “с начальными людьми”, указано: “буде серебряные руды нет – ехать из Сибири к Москве, а салдатов Ганку Коростеля с товарищи (на этом месте обрывается тюменская отписка, цитирующая грамоту) велено послать с Уральских гор на Тюмень, а на Тюмени им быть и корм давать до государева указу”. Делается также выписка из памяти, посланной в Стр. п-з, относительно его распоряжений о дальнейшей участи оставленных “на Тюмени” “до государева указу” Г.Коростеля “с товарищи”: “в Сибири ль быть или к Москве

отпустить” с указаниями, “буде им в Сибири быть”, прислать в Сиб. п-з для дальнейшей отправки в Сибирь их жен и детей, “у которых есть... незамотчав”. Приводится и выписка из ответной памяти в Сиб. п-з, в которой объявляется о решении Стр. п-за оставить Ганку Коростеля “с товарищи” “в Сибири на вечном житье” и в связи с этим об отправке в распоряжение Сиб. п-за для ссылки в Сибирь к мужьям жен Г.Коростеля и М.Иевлева (“а у досталных... жен нет”). На основании этой резолюции 7 августа 1673 г. в Сибирь “на вечное житье” с соответствующими сопроводительными грамотами ссылаются жены шепелевских солдат. Указание относительно самого А.Белоуса завершает комплекс выписок о солдатах “выборного полка” в “Книге записной...”: “велено Офонку Белоуса послать с Тюмени в Тоболеск, а ис Тоболска в Красноярской в пешую казачью службу в выбылой оклад”.

Возникает вопрос: почему А.Белоус не был оставлен в Тюмени воеводой К.А.Загряжским, который 9 января уже имел на руках грамоту о задержании солдат А.Шепелева “до государева указу”. Ответ на него содержат распросные речи, данные перед воеводой в Тюменской приказной избе 14 января 1674 г. “ссылной солдатцкой Ганки Коростеля женой Анюткой Ивановой дочерью” (СПбФИРИ, ф.187, оп.1, N 434). В распросе она сообщает, что посланный на Уральские горы “для серебряной руды” ее муж Г.Коростель, по дороге из Тобольска в Москву с отрядом капитана Карлуса Римана 28 декабря 1673 г. проезжая Тюмень, “жил де... на Тюмени у ней, Анютки, два дни”. Оправдывая свое недонесение об этом, ссылая солдатская жена отвечала (достаточно резонно, с точки зрения администрации Тюменской приказной избы), что “не сказывала” она об этом потому, “что де великого государя грамоты в то время на Тюмень было не прислано. А указ де великого государя и грамоту после мужа ее привез об них енисейской сын боярской Афонасей Бейтон – генваря в 9 числе ложил”. Из приведенного материала становится ясен смысл отписки в Москву воеводы К.А.Загряжского – это доклад о невыполнении предписаний государевой грамоты, которая была им слишком поздно получена.

Таким образом, как Г.Коростель, случайно встретившийся в Тюмени с сосланной туда своей женой, так и его “товарищи”, вероятно проследовавшие в это же время через Тюмень в Москву, не могли не догадываться о своей дальнейшей участи остаться в Сибири “на вечном житье”. Возможно, они покинули отряд Хитрово “не доехав” Москвы, опасаясь быть отправленными оттуда назад. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что И.Белоус “объявился на Москве” в апреле 1676 г., тогда как экспедиция вернулась в столицу в 1674 г.